

группы граждан, имеющих общие личностные признаки и качества, относящиеся к их способности стать жертвами преступления в силу определенных условий.

Массовая виктимность обусловлена резким изменением массово-коммуникативных возможностей информационного воздействия на целые общности, на неопределенный круг лиц вне зависимости от пола, расы и принадлежности к какому-либо государству.

Проблема усиливается тем, что снижаются возможности государственного контроля за распространением массового негативного воздействия на личностные характеристики потенциальных жертв преступления. Система скрытого шифрования обмена данными в интернете, в том числе мессенджерах, позволяет злоумышленникам из лояльных, а порой и враждебных нам государственных юрисдикций, где не действуют российские законы, анонимно совершать преступления.

При этом описанные еще классиками виктимологии признаки уязвимости потенциальных жертв: жадность, алчность, нескритичность, внушаемость, необдуманность, страх и многие другие, даже позитивные качества жертвы используются мошенниками в массовом плане.

Рекомендации по предупреждению мошенничества, указываемые в памятках потенциальным жертвам мошенничества, носят фрагментарный и неполный характер, как правило, состоящий из описания уже совершенных ранее преступлений, причинивший огромный ущерб.

Необходима глубокая проработка предупредительного опережающего воздействия на массовую виктимность, носящая целостный системный характер, предусматривающая финансирование, возложение соответствующих обязанностей на органы государственной власти, средства массовой информации, организации банковской системы и самих потенциальных жертв. Такими возможностями обладает только виктимологическая наука.

Виктимология, с одной стороны, является самостоятельным разделом юридической науки, с другой — интегрирована в систему знаний о личности жертвы, в том числе в антропологию, этнографию, социальную психологию и медицину.

Калинина Евгения Валерьевна,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства
и права юридического факультета
Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского;
профессор кафедры общественного здоровья
и организации здравоохранения
Приволжского исследовательского
медицинского университета

Юридическая наука в эпицентре вызовов современности

Вопрос о современном состоянии науки вообще и юридической в частности являлся и является открытым, ибо мы не перестаем оценивать достижения и делать прогнозы. Параллельно с этим выявляются внутренние препятствия, порождаемые самой научной динамикой, и риски, зачастую имеющие внешний характер. Многие вызовы имеют давнюю историю и никуда не исчезают, а сохраняются и трансформируются вместе с меняющимися реалиями. В этой связи В. В. Лазарев, классифицируя вызовы юридической науке, предложил их градацию на внутренние и внешние¹. В целом соглашаясь с подобным разграничением, отметим, что сложность конструкции юридической науки навевает еще один классификационный компонент — группу *гибридных вызовов*, 1) зарождающихся внутри системы и распространяющихся за ее пределы (например, проблема эффективности внутригосударственного правового регулирования при создании образа международного правового пространства неизбежно потребовала разработки комплексного механизма международного принуждения, действующего, правда, на иных — координационных — началах, а потому менее эффективных) и, наоборот, 2) формирующихся вовне, с прицелом на внутренние преобразования системы (например, идеи и концепты, выработанные международным сообществом или его частью, которые государства вынуждены ради блага безопасности признавать,

¹ Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. Т. LXXV. С. 183–184.

а значит, через инструмент гармонизации внедрять в свою правовую систему как акт исполнения своих международных обязательств).

Вырисовывается еще одна проблема: вероятное преобразование мировой системы как в политическом, так и правовом контексте. Новая архитектура мироустройства потребует смены универсальной ценностной системы, что отобразится в идеологии глобального пространства и его составных частей. Как будут выстраиваться отношения внутри общей системы и ее составляющих, насколько оправдаются прогнозы футурологов, покажет время, однако изменения мироустройства неизбежно повлекут преобразования в международной нормативной базе. Поскольку речь идет о системе коллективной/международной (всеобщей или региональной) безопасности, а также надеждах на мирное межгосударственное взаимодействие, то для обеспечения одного потребуется внесение изменений и во внутригосударственное право договаривающихся стран. В итоге доктрина международного права в целом, равно как и концепции отдельно взятых научных школ, претерпят трансформации.

Среди внешних вызовов юридической науке В. В. Лазарев выделил природные и социальные¹. Последние вызывают особый интерес как наиболее разнообразные, порождающие неисчислимое множество вопросов в отраслевых научных направлениях.

Исходя из вышесказанного и учитывая сосуществование вызовов-констант и новых проблемных образований, можно ввести соответствующую классификацию: 1) вызовы, перманентно присутствующие (дискуссионность терминологического аппарата науки и смежных направлений, спорный характер дефиниций отдельных концептов; методологические конструкции; признание новой области научных знаний в качестве сформировавшейся и многое другое); 2) новые вызовы, отражающие специфику определенных социальных трансформаций, новых технологических укладов, меняющейся ценностной системы и проч.

Дополнительную градацию проблемных вопросов можно усмотреть в попытках внешней самореализации юриспруденции: 1) вызовы, возникающие при взаимодействии правовой науки и юридической практики; 2) вызовы, возникающие при взаимодействии правовой науки и сферы политики (данный пункт, в свою очередь, распадается на две траектории: а) взаимодействие юридической науки с властью путем поиска оптимальных моделей сохранения и укрепления общественного порядка и солидарности; б) взаимодействие юриспруденции с социумом посредством генерирования правовых конструкций, необходимых для стабильности, защиты и благоденствия последнего).

Помимо обзора многообразия групп дискуссионных аспектов, хотелось бы остановиться на отдельных вызовах и дилеммах.

Технологический прогресс формирует новые сферы, еще пока недостаточно осмысленные, а потому не отнесенные к сфере правового или хотя бы гибридного, междисциплинарного регулирования (еще не признана существенность влияния отдельных новых технологических явлений на безопасность общества, хотя эти явления способны создавать ощутимые риски и даже вмешиваться в политические процедуры, не говоря о межличностных коммуникациях. Все это требует пересмотра социальной и государственной политики в отношении управления подобными новшествами и их последствиями. Так, прежде чем запускать высокотехнологичные цифровые сервисы, агрегирующие необъятные цифровые потоки персональных данных и в первую очередь наиболее «деликатные» сведения персонального характера, следует спрогнозировать и исключить всевозможные риски их утечки и злоупотребления злоумышленниками, что практически не представляется возможным, по крайней мере, на настоящий момент. Опыт (в том числе и международный) разработки нормативной базы, регулирующей информационные потоки и защиту данных, показал недостаточность этих усилий.

Отсутствие единообразия в инновационном терминологическом аппарате (внутреннем и междисциплинарном). Технологический прогресс и межгосударственная деятельность в поиске оптимальных регулятивных инструментов для актуальных вызовов и угроз породили множество новых, беспрецедентных явлений и практик, требующих признанных наименований. Однако каждая наука и внутринаучное направление в силу своего специфического инструментария вырабатывает устойчивые когнитивные шаблоны и стереотипы, порой отличающиеся от средств, применяемых в иной сфере и раскрывающих только одну сторону искомого явления. Так, в широкий обиход

¹ См.: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. Т. LXXV. С. 182–183.

вошли понятия «коммуникативное пространство», «информационное пространство», «киберпространство», «медиапространство» и проч. Несмотря на то, данные термины имеют схожее значение (сфера информационных потоков), каждый из них имеет специфическую фокусировку (медиапространство: акцент на манипулятивном потенциале¹ информационных потоков и специфике коммуникаторов и реципиентов; киберпространство: в центре внимания — автоматизированность информационных систем и аппаратные способы передачи информации и т. д.)².

Дилемма нежелательности всеобъемлющей юридикации, что неизбежно приводит к замедлению необходимых обществу изменений (кроме того, юридикация управления прогрессивным коммуникативным пространством эффективно используется внутри- и внешнеполитическими оппонентами официальной власти для дискредитации действующих механизмов взаимодействия государства и общества³. В этой связи становится очевидной необходимостью использования междисциплинарных подходов к противодействию пока еще недостаточно изученным вызовам (например, высокотехнологическим) коллективной стабильности и безопасности. Учитывая объективные препятствия созданию правовых фильтров и расширению сферы правового регулирования, в том числе агрессивную критику вмешательства государства в управление коммуникативной средой, целесообразен поиск оптимальной системы контрольно-надзорных мероприятий государства совместно с самоуправляемыми общественными учреждениями, хотя на данный момент приходится констатировать недостаточную вовлеченность юридической науки в междисциплинарный дискурс по разработке гибридных средств управления социальными процессами.

Дилемма неизбежной политизированности науки (в том числе юридической) и *невозможности отказать от ее использования в качестве так называемой «мягкой силы»*. С одной стороны, юриспруденция, как справедливо было отмечено Цицероном, является надстройкой, формируемой обществом и, соответственно, отражающей все трансформации этого самого общества — как продуктивные, так и деградационные. С другой стороны, даже при смене социальных парадигм мы продолжаем обращаться за ориентирами к мнению ведущих ученых и продуктам их деятельности, которые зачастую содержат апологетику нового социально-политического порядка, опирающуюся на жесткую критику предыдущего уклада. Причем, учитывая научное долголетие отдельных корифеев, можно выявить их собственные «метания» от одних установок к прямо противоположным, что может подорвать доверие к научным школам и порой к науке в целом. Кроме того, за последние годы мы убедились, что наука, как и образование, используются в качестве эффективного средства внешнеполитической манипуляции.

Ценностная деградация общества. Западно ориентированная псевдолиберальная повестка способствовала успешному формированию «общества квалифицированных потребителей». Все инструменты цифровизации были направлены на создание условий, обосновывающих приоритет прав личности над ценностью всеобщего благоденствия и коллективной безопасности. При этом избирательность логики апологетов этой концепции отметала любые указания на абсурдность таких постулатов для обществ со средним и ниже уровнем правовой культуры. Декларация приоритетности прав и свобод личности над правами и интересами общества применима исключительно к обществам с высоким уровнем правовой культуры и правосознания, где исключено

¹ Агапова С. Г., Гущина Л. В. Информационная война: манипулятивная стратегия на понижение // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 29–32; Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 205.

² Калинина Е. В. Этико-правовые вызовы прогрессивного пространства массовых коммуникаций. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2023. 48 (2). 285–294.

³ Регулирование СМИ в России: анализ правового поля и тенденций: доклад. URL: <https://www.trust.org/documents/trustlaw/media-regulation-in-russia-a-landscape-analysis-of-laws-and-trends.pdf> (дата обращения: 03.06.2024); Панкеев И. А., Тимофеев А. А. Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект. Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 231–246; Common M. F. Beyond the usual suspects: a taxonomy of social media regulations in countries with human rights issues, International Review of Law, Computers & Technology, DOI: 10.1080/13600869.2022.2043093. URL: https://www.researchgate.net/publication/362730653_Beyond_the_usual_suspects_a_taxonomy_of_social_media_regulations_in_countries_with_human_rights_issues (дата обращения: 02.06.2024); Rozgonyi K. 2018. A New Model for Media Regulation // InterMEDIA. 2018. April. Vol 46 Issue 1. pp. 18–23; Samples J. 2019. Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media. URL: https://www.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa_865.pdf (дата обращения: 04.06.2024).

злоупотребление правом. Только тогда указанный либеральный слоган не будет работать на разрушение социума изнутри. В нашем случае недавно запущенный процесс возвращения к социально ориентированной ценностной системе, несмотря на имеющиеся огрехи и двусмысленную риторику, может оказаться плодотворным в долгосрочной перспективе. Реконструкция системы традиционных духовно-нравственных ценностей представляется, таким образом, работой властей над ошибками либерального прошлого. Юриспруденция имеет высокий потенциал и внушительный инструментарий для выявления вызовов правовой культуре индивидов и общества, закрепления традиционных ценностей и профилактики нравственной деградации¹. К сожалению, предшествующая инкорпорация западных ценностных ориентиров в российское пространство путем обесценивания, выдавливания исконных этических констант (а когда это было невозможно, то и при помощи подмены понятий) привела к наслоению порой взаимоисключающих постулатов.

Для решения данной проблемы целесообразно задействовать накопленный опыт всех социогуманитарных наук. В частности, методы социальной инженерии могут быть поставлены на службу государства. Отчасти это сейчас и происходит на примере молодежной политики и внедрения в учебный процесс специфических дисциплин, направленных на формирование необходимой мировоззренческой платформы.

Отдельные авторы рассуждают о необходимости пересмотра места психологии, особенно юридической психологии, в юриспруденции², а также потенциала юридической антропологии³, который используется далеко не в полной мере. Кроме того, ввиду популяризации категории идентичности в современном социально-политическом нарративе как опорной составляющей ценностно ориентированного мировоззрения концепт «правовая идентичность», анализируемый Е. В. Резниковым⁴, представляет существенный интерес.

В завершение попробуем обобщить и систематизировать имеющиеся представления о многообразии проблемных аспектов. Поскольку в предшествующих публикациях, упоминавших разновидности вызовов, не было предложено четких классификационных критериев (а без них классификация не усматривается и наименование вызовов представляет собой не более чем перечень без существенной систематизации и упорядочения), целесообразно представить имеющиеся сложности, препятствия и риски на пути развития юриспруденции (как, впрочем, и любой другой науки) следующим образом: 1) по масштабу и фокусу вызовов: внешние, внутренние (в том числе по отраслям научного поиска), гибридные (смешанные); 2) в зависимости от источника вызова и его сущности: естественные и социальные; 3) в зависимости от продолжительности существования вызовов: вызовы-константы, вызовы-новообразования; 4) по направленности взаимодействия юриспруденции с другими сферами: вызовы взаимодействия правовой науки и юридической практики; вызовы взаимодействия правовой науки и сферы политики: а) взаимодействие с властью; б) взаимодействие с обществом.

Целостную, масштабную картину будущего любой науки, включая юридическую, можно увидеть, только анализируя весь комплекс вызовов и дилемм современного общества. Раздельное изучение актуальных процессов при помощи специфических средств различных наук позволяет увидеть лишь отдельные грани проблемы. Возможно, это и позволяет найти грамотные тактические решения, но не способствует формированию успешной антикризисной стратегии, для которой требуется междисциплинарный подход.

¹ Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. Т. LXXV. С. 185.

² Резников Е. В. Психолого-правовой анализ понятия «правовая идентичность» // Вестник Пермского университета, 2012. Юридические науки. Вып. 2 (16). С. 52.

³ Пучков О. А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве. Москва, 2003. 260 с.

⁴ Там же. С. 53.